

## ОПАСНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ: РЫБНЫЕ РЕСУРСЫ И НОСТАЛЬГИЯ ПО ГОСУДАРСТВУ В БАРЕНЦ-РЕГИОНЕ

*Ключевые слова:* неформальное природопользование, рыбные ресурсы, антропология государства, ностальгия, туризм, дискурс-анализ, Баренц-регион

В статье рассматриваются практики частного неформального природопользования, осмысляемые жителями приморского поселка в дискурсе о государстве, власти и формах контроля. “Мозаика” ресурсной экономики сообщества включает добычу рыбы и морепродуктов, освоение участков земли, доступ к реке и морю, а также взаимодействие с туристами, чье появление в поселке меняет сложившееся поле природопользования. Особое внимание уделяется практикам обменных отношений и ситуативным конфликтам с представителями организаций, контролирующими рыбодобычу. Трансформации механизмов управления поселком и опыт освоения ресурсов в ранние постсоветские годы сформировали у изучаемого сообщества устойчивое ощущение опасности и неупорядоченности социальной жизни в целом и природопользования в частности. Напряжение между ощущаемым отсутствием государства и гиперуправлением обуславливает актуальность риторики бесправности местных жителей и ностальгические нарративы, посредством которых критикуется современная форма государственности и утверждается идеал тотального контроля советского градообразующего предприятия.

В августе 2017 г. самодеятельный хор п. Бережной выступал на ежегодном Дне коренных народов. Как и на большинстве российских территорий, в Баренц-регионе ансамблевая и декоративно-прикладная культурно-досуговая деятельность формирует устойчивые социальные сети — и тем не менее не все регулярные участники фестивалей знакомы друг с другом. Руководитель хора Бережного, заинтересованная привлечением новых самодеятельных артистов к своим поселковым мероприятиям, была вовлечена в переговоры с коллегами, когда одна из саамских исполнительниц обратилась к ней с вопросом: “Бережной, чего рыбы не привезли?”. На что руководитель сразу же ответила: “Нет рыбы, нельзя ловить. Ничего нельзя на этом белом Севере! Мужики только исподтишка ловят” (ПМА 2017). Фрагмент устойчивого презентационного текста Бережного, подходящий и для других “рыбных” поселков региона, вполне удовлетворил инициатора диалога своим соответствием общепринятым представлениям о локальной рыбодобыче. Этикетное отрицание практики через указание на отсутствие ресурса (“нет рыбы”) входит в привычное противоречие с реальной — чаще всего скрытой — рыбной ловлей и признанием ее в качестве

---

**Ксения Андреевна Гаврилова** | <https://orcid.org/0000-0002-2380-6774> | [kgawrilova@eu.spb.ru](mailto:kgawrilova@eu.spb.ru) | к.и.н., научный сотрудник Центра социальных исследований Севера | Европейский университет в Санкт-Петербурге (ул. Гагаринская 6/1а, Санкт-Петербург, 191187, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Фонд поддержки социальных исследований “Хамовники” [№ 2016-009, 2017-2018] РФФИ, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [17-33-01057]

эксплицитного знака доверия партнеру по коммуникации (“мужики только исподтишка ловят”). Наконец, особенно показательно двукратное употребление предикатива *нельзя*, содержащего в данном случае нелокализованную агентность — запрещающее действие, отсылающее опять же к расхожему представлению о злой воле, лишаящей сообщество возможности добывать рыбу. Несмотря на грамматическую безличность конструкции, коммуниканты разделяли воображение неназванного агента запрета — *государство*.

В предложенной статье я рассмотрю практики неформального природопользования, характерные для сообщества небольшого п. Бережной, и отношения этого сообщества с тем, что в различных ситуациях категоризируется как государство. Бережной<sup>1</sup> расположен в Баренц-регионе в 100 км от регионального центра, с которым связан частично асфальтовой, частично грунтовой дорогой. Муниципальное образование (МО) Бережной составляют два населенных пункта — Старый Бережной и Новый Бережной; по данным местной администрации на апрель 2017 г. всего в них проживал 851 человек (179 и 672 соответственно), в т.ч. около 400 пенсионеров и 114 детей в возрасте до 18 лет (ПМА 2017). Социальная инфраструктура рассредоточена между двумя поселками: в Новом расположены средняя школа (11 классов), детский сад, библиотека, аптека, администрация, православный приход, отделение почты и сбербанка, а также четыре частных магазина; в Старом находится Дом культуры, отделение библиотеки и два магазина. Кроме того, на территории МО функционируют несколько гостиниц, туристический комплекс, хостел, а также развиваются проекты базы отдыха и дайвингового центра. Полевую работу в Бережном я проводила в общей сложности в течение четырех месяцев — в 2012 г. (летом), в 2013 г. (зимой), в 2017 и 2018 гг. (летом). В этот период жители поселка были трудоустроены в локальных бюджетных учреждениях, на расположенной неподалеку ГЭС, на “ферме” в Старом Бережном (скромной наследнице колхоза советского времени), на рыбном заводе, с перебоями функционировавшем до 2017 г., или числились официально безработными. Подобная конфигурация занятости резко контрастировала с ситуацией советского времени, когда местное население работало на нескольких “градообразующих” предприятиях — в колхозе Старого Бережного и в судоремонтных мастерских Нового, — контролировавших поселковую инфраструктуру. Закрытие или деградация предприятий в 1990-е — начале 2000-х годов привели к ряду инфраструктурных катастроф, а также к резкому изменению форм занятости населения, в частности к массовому обращению к неформальной добыче природных ресурсов (таких как рыба или краб), продолжающейся и в настоящее время. Многими жителями экономическая ситуация в ранние постсоветские годы устойчиво оценивается как уход государства из поселка; некоторые из них считают, что государство в Бережном продолжает *не* существовать и сейчас.

### Государство и ресурсы: аналитическая рамка

Антропологические исследования неформального природопользования нередко опираются на противопоставление практик потребления ресурсов локальными или этническими сообществами тем нормам, которые предписываются “извне” государством, законом или конкретными контролирующими организациями. Переопределение категории *браконьерство*, в разной степени отражая эмную (сообщества) и этную (исследователя) позиции, опирается на утверждение особого *морального* (метонимического) права сообщества на ресурсы как неотъемлемую часть территории проживания — “традиционно” осваиваемую “внутреннюю” собственность (Hampshire et al. 2004; Nakhshina 2012). Джеймс Скотт, пытаясь понять природу и рациональность крестьянских восстаний в Юго-Восточной Азии, использовал категории “морального” и “этического” для определения этой связи: характерная для

крестьянских хозяйств *subsistence ethic* обеспечивает гарантированное и достаточное потребление ресурсов (в т.ч. посредством обмена внутри горизонтальных социальных сетей) в противовес погоне за негарантированной прибылью, в то время как *moral economy* формирует представление об экономической справедливости в отношениях с условным государством, которое также претендует на ресурсы и продукты их освоения (Scott 1977).

В своем образцовом исследовании рыбодобычи на Сахалине Эмма Уилсон воспроизводит оппозицию “Закона” (*legal entitlement*) и “морального закона” (*moral law*) при описании экономики выживания локальных сообществ. “Моральное” право добывать рыбу местные жители утверждают за собой, оспаривая или обходя при этом внешние ограничения, угрожающие сложившимся моделям природопользования. В целом как внешние (*outsiders*) или чужие категоризируются и недавно приехавшие люди (*incomer populations*), и добывающие компании, и государство, в лице которого могут выступать рыбоохрана, руководствующаяся законом, или местный колхоз (Wilson 2002). Несмотря на признание множественности агентов контроля, значимые действия местного сообщества по отношению к ним единообразно описываются автором как ежедневное сопротивление (*everyday resistance*) или стратегии выживания (*survival strategies*), соответственно государство конструируется как консолидированная воля, нежеланная для сообщества и не коррелирующая с его внутренним моральным законом (*shared moral universe*). Модель противоборства государства и населения в исследованиях природопользования зачастую выступает как неотрафлексированная пресуппозиция: первое осуществляет насилие и накладывает ограничения (законы), второе “избегает” их (даже если учится извлекать из них выгоду).

Утверждения несостоятельности концептуализации государства как единства (интенции, воли, действия, структуры, функции) стали топосом для антропологических исследований и редко обходятся без ссылок на работы Мишеля Фуко. В рамках философии Фуко о государстве говорится не как о консолидированном аппарате доминирования, но как о сложносоставной реалии (и одновременно мифологизированной абстракции), чьи рамки определяются “тактиками правительственности” (*governmentality*). Последние понимаются как система правил, институтов, иерархий, позиций и связей, формирующая пронизывающие общество отношения власти (Фуко 2005). Исследование государства в фукодианской перспективе требует микроэтнографического подхода и анализа как локальных практик проявления государства, вроде административного управления населенным пунктом, так и дискурсивного его воспроизводства — характерных для сообщества моделей воображения и говорения о государстве (Gupta 1995). Государственная структура как принципиально ситуационная и сегментированная обретает особую жизнь далеко за пределами институтов или политического действия: бытовой разговор, ламентация или шутка, апеллируя к образу государства, объективируют его — позволяют мыслить о нем как об интенциональном целом или “фантазировать о его функциональности” (Скорин-Чайков 2012: 162–179). Анализируя дискурс о неуспехе “благих намерений” государства, Николай Скорин-Чайков демонстрирует, что в контексте повседневности властные отношения могут существовать в форме знания или разговора, а не только в воплощенной, визуально наблюдаемой фигуре, совершающей действие. Государственность, тесно вплетенная в повседневное взаимодействие, проявляет себя как в диффузии и приватизации символов или инструментов власти (принуждения), так и в артикуляции желаемого государственного порядка (Там же).

Анализ дискурсивной жизни государства на уровне конкретных сообществ вкупе с исследованиями, посвященными “желанию” государства (*state as a locus of desire* — в терминологии Мадлен Ривз), сформировали особое направление. Продуктивное изменение модальности в исследованиях произошло благодаря критике

подмены антропологии государства “антропологией против государства” (*anthropology against the state*), сфокусированной на том, как люди пытаются избежать его, его классификаций и категориальных сеток, как сообщества не помещаются в те схемы концептуализации, которые навязывают им сверху (Jansen 2014: 238–240). Альтернативный взгляд формулируется в исследованиях стран и сообществ, находящихся в ситуации смены политического режима, кризиса государственной идеологии и экономических моделей, открытых военных действий или послевоенного восстановления (Dunn 2008; Greenberg 2011; Kivland 2012). Анализируя образовательные практики в одном из районов Сараево, Стеф Янсен демонстрирует, как в условиях оккупации местные жители на уровне дискурса и действия не “выключаются” из воображаемой “нормальной” темпоральности учебного года и таким образом координируют образовательный процесс с институциональными сетками, одобренными доконфликтной формой государства Боснии и Герцеговины. Желаемая “нормальность” (и легитимность действий) достигается за счет сознательного вписывания себя в воображаемый порядок (*gridding*), овеещающий государство на низовом уровне, причем это желанное вписывание (*grid desire*) следует считать не попыткой подражать государству или эффектом от его интериоризации, но вкладом сообщества в государственное строительство (*state-making*) (Jansen 2014).

Понятия *нормальности*, *правильности*, *порядка* — ключевые для исследования феномена потребности в государстве (*desire/hope for the state*), т.к. их объем в дискурсе сообществ инкорпорирует критику одних форм государственности и идеализацию других. Так, риторика безгосударственности (*statelessness*) может отсылать к представлению о слабости центрального правительства или непроявленности государства в публичной сфере, эта риторика может быть спровоцирована неспособностью населения определить источник суверенной власти в стране или нежеланием признавать его (Kivland 2012). Концептуализация государства как незавершенного (*ongoing*) проекта позволяет Челси Кивланд объяснить, почему этот проект может быть провальным; в случае Гаити избыточные и неупорядоченные формы управления, происходящие из разных источников, породили множество неподотчетных населению агентов квазилегитимного насилия и обусловленную этим ситуацию гипервласти (*hypergovernance*). Актуальное ощущение безгосударственности и дискурсивная нормализация централизованной системы управления — суть стремление населения к прозрачному социальному контракту с государством, к подотчетности власти, которая и делает ее легитимной (Там же: 261–263).

Нормативный образ государства нередко локализуется в прошлом. Для жителей постсоциалистических стран в эпоху “перехода” характерно дискурсивное сочетание ламентаций по поводу кризиса дисциплинарных форм в экономической, политической или семейной сферах с ожиданием (желанием) реставрации “нормального” властного порядка — государства, которое работает (*a state that works*) (Greenberg 2011). Одной из распространенных дискурсивных практик в пост- (социалистических, имперских и т.д.) политических контекстах является *ностальгия*: приписывание нормативной ценности прошлому и создание утопических образов социальной гармонии, изобилия, престижа (“изобретение прошлого”), позволяющее рассказчикам критически осмыслить настоящее, даже если реставрации “старого порядка” они не желают (Angé, Berliner 2014; Gigova 2013; Kim 2016; Kojanic 2015). Ностальгические нарративы, сфокусированные на негативных изменениях и неизбежном сывыкании с ними, рассматриваются также как повседневная рутинная практика формирования политической субъектности — особая технология, посредством которой рассказчик в изменяющихся исторических условиях создает себя как субъекта, адаптирующегося к обстоятельствам (“...techniques of self, designed to create an adaptive subject”) (Kojanic 2015: 13).

## Этнография освоения природных ресурсов и трудности этнографии

Прежде чем перейти к обсуждению форм государственного регулирования природопользования в Бережном, я кратко опишу стратегии освоения местными жителями таких ресурсов, как морская, речная и озерная *рыба*, камчатский *краб*, а также *земля* — территория поселка и прилегающее к ней пространство. Морская рыбалка ориентирована преимущественно на слабо регулируемые законодательством виды рыбы: треску, пикшу, мойву, камбалу. Ограничения, накладываемые на *любительское рыболовство* в любом водоеме, касаются снастей, места и сезона вылова, промыслового размера и объема выловленного ресурса, и при этом достаточно часто правила меняются. Так, суточная норма вылова в море в 2012 г. составляла 15 кг рыбы одного вида на рыбака, а в 2017 г. — суммарно 100 кг всех разрешенных видов рыбы<sup>2</sup>. Контроль за морской рыбалкой в данный момент минимален. Озерная рыбалка как в летний, так и в зимний сезон (подледный лов) ориентирована на такую рыбу, как паalia, сиг, кумжа, причем во внутренних водоемах осуществляется “повидовая” регламентация: по 10 кг рыбы одного вида на рыбака. Речная рыбалка — самая опасная, т.к. связана преимущественно с выловом атлантического лосося (семги) на нерестилищах. Лососевые относятся к анадромным рыбам, и в абсолютном большинстве случаев без лицензии (путевки, промышленной квоты или квоты по статусу КМНС) их вылов не разрешается (Правила 2014, ст. 63.2). Контроль за нерестовыми реками региона максимально жесткий. Эксперимент по разведению камчатского краба в акватории Баренцева моря, начатый в 1960-х годах, уже к 1990-м имел безусловный успех, а сегодня и у берегов России, и у берегов Норвегии обитает большая популяция краба. Впрочем, на законодательном уровне отношение к его вылову принципиально отличается: в Норвегии добыча краба либо не регулируется, либо поощряется, в России без приобретения квоты она категорически запрещена и наказуема административно или даже уголовно. Тем не менее краба в Бережном добывают, о чем свидетельствует наличие особых мест у моря, где крабов “чистят”, т.е., разрезая панцирь, извлекают мясо, которое затем скрытно проносят домой.

Отдельного анализа требуют стратегии землепользования, характерные для Бережного, а именно юридические или символические права на участки территории в самом поселке и его окрестностях, которые обеспечивают местным жителям доступ к ресурсам. На этих участках расположены строения, выглядящие как *временные*, но на самом деле чуть ли не более постоянные и устойчивые к переменам, чем капитальные дома: это сараи, временки, причалы для лодок и главным образом гаражи — самый распространенный и визуально заметный тип построек. В Бережном есть несколько гаражных улиц, и практически каждая семья содержит одну или две “коробки”. Гаражи являются прежде всего мужским пространством и ассоциируются с рыбной ловлей, содержанием техники, необходимой для выездов на рыбалку, и инструментов для ее ремонта, а также с хранением самой продукции (рыбы) в морозильных камерах, холодильниках или просто под потолком. Гаражи не привязаны к ландшафту и могут располагаться в любой точке поселка; принципиально важна их функция площадки для ведения мужчинами промыслового хозяйства, в т.ч. и продажи рыбы.

При отсутствии особой визуальной компетенции сложнее увидеть другой тип построек и знаков принадлежности территории, строго привязанный к ландшафту: так, в старом поселке один из берегов устья р. Бережной занят сараями, будками или просто лежащими на земле лодками и снастями, маркирующими участки под этими объектами как принадлежащие тем или иным жителям. До недавнего времени такая символическая экспроприация — никак юридически не оформленная — не проблематизировалась и даже не обсуждалась местным населением. Но после того



как несколько лет назад в Бережной пришел активный туризм, появилась угроза легального выкупа земли, например, под строительство гостиничного комплекса, как уже случилось с тем берегом старого поселка, который выходит на море. Возможный снос сараев ставит под угрозу *доступ*, во-первых, к реке, устье которой ведет в залив (на морскую рыбалку), или вверх по течению (на речную рыбалку), а во-вторых, в “дачный” п. Яровка, имеющий для семей Бережного важное символическое и экономическое значение — как место регулярного отдыха, речной рыбалки или сбора ягод вдаль от хорошо освоенного туристами поселка. Попасть туда можно, только поднявшись вверх по р. Бережной и преодолев у места впадения р. Яровки заставу ГЭС: иными словами, не-члену локального сообщества доступ в Яровку закрыт, т.к. охрана ГЭС — также местные жители — его не пропустит. Важность обладания в старом поселке “опорной точкой” вынудила бережновцев предпринять усилия по выведению этого неформального землепользования из серой зоны: в 2017 г. около 10 семей пытались оформить в собственность уже занятые ими участки.

В течение первых полевых сезонов в Бережном я оценивала проработку темы неформального природопользования как провальную главным образом потому, что ни один из классических антропологических методов исследования — интервью или наблюдение — систематически не работал и удовлетворительных результатов не давал. Дискурсивные причины “закрытости” темы лежали на поверхности: рыбный промысел обсуждать не принято не только внутри сообщества, но, например, и с представителями региональной администрации. Безусловно, риторическим жанром ламентаций владели все мои собеседники, но жалобы, как правило, исключали детали, подменяя их рассуждениями о загубленной экологии или уменьшении количества рыбы и противоречивыми фразами вроде проанализированной во введении. Найти мужчин, готовых свободно говорить на тему рыбодобычи в формате интервью, не удавалось еще и потому, что именно они являются основными исполнителями всех рыбных операций, в случае неудачи *они* подвергаются насилию, их инструменты (сети, лодки, наземный транспорт) могут быть изъяты или повреждены (об ответственности за нарушения в области рыболовства см.: Пленум 2010). Женщины также осознавали риски, но все же, в т.ч. в силу гендерной близости, были готовы озвучивать ситуативно безопасную информацию. И тем не менее за четыре сезона работы у меня не набралось и десятка интервью о рыбодобыче, а те сведения, что я изложила выше, — результат кропотливого сбора осколочных свидетельств из многочасовых разговоров за чаем или случайного присутствия при продаже рыбы хозяином арендованной мной комнаты. Со многими жителями я установила вполне доверительные отношения, включавшие гошение друг у друга, обмен подарками и поддержание круглогодичной связи посредством социальных сетей. И другие темы, будь то противостояние с местной администрацией, инфраструктурные проблемы поселка или отношение к приходу на его территорию газовой промышленности, под негласный запрет не попадали, при том что многие из них не менее болезненны, чем формально разрешенная ловля трески. Тривиальное объяснение, что природопользование воспринимается как тема “опасная”, потому что “опасна” добыча семги и крабов, было *универсальным* для меня, да и сами информанты его артикулировали. И все же интенсивность страха и степень усвоенности (дискурсивной) практики утаивания неформального заработка заставили меня в рамках проекта обратиться к объяснению того, почему же в Бережном так непросто работать антропологу.

### **Трансформация практик природопользования и их место в бюджете Бережного**

Начну я издалека, с еще одной этнографии, а именно с характеристики того, какую *долю* освоение ресурсов занимает в бюджете местного населения. На данном

этапе большинство семей Бережного занимаются рыболовством “для себя”: это и любимый вид отдыха, и способ получения свежего продукта, в первую очередь разрешенной трески, мойвы и озерной рыбы (ее готовят сразу, морозят, вялят; заготавливают для себя и родственников). Рыбная ловля помимо основного дохода, если кто-то из членов семьи официально трудоустроен, приносит и побочный заработок. Самой редкой экономической моделью является преимущественная зависимость от продажи рыбы.

Показательным примером такой модели являлся бюджет одинокого (разведенного) мужчины Максима (1962 г.р.), у которого я регулярно арендовала комнату. До 2017 г. в течение как минимум пяти лет Максим был формально трудоустроен, но по факту на работу почти не выходил и заработную плату не получал, основным же источником его дохода была продажа местным жителям рыбы — трески, пикши, а также — от случая к случаю — семги. Кроме того, Максим вел регулярный обмен с воинской частью, расположенной в отдалении от морского побережья в закрытом военном городе по дороге в столицу региона: за рыбу военные “расплачивались” долгохранящимися продуктами — крупами, макаронами, консервами, военными пайками и иногда топливом. В итоге в магазинах Бережного мужчина закупал лишь скоропортящиеся товары, такие как хлеб, овощи и молоко. Безусловно, у Максима бывали и окказиональные заработки, вроде сдачи комнат в аренду или извоза до регионального центра, но так или иначе стабильный и предсказуемый доход приносила именно рыбалка и именно вырученные за рыбу средства позволяли ему содержать моторную лодку и мотоцикл, осуществлять ремонт в квартире, закупку бытовой техники, ежегодный выезд в отпуск, выплату алиментов (ПМА 2012, 2013). В 2017 г. Максим вышел на пенсию и решил поменять лодку на более мощную, для чего ему нужно было “подшабашить немного”, и он весь месяц почти каждое погожее утро рыбачил в море, причем на его улов всегда находились покупатели (ПМА 2017).

Неформальное природопользование в Бережном складывается, как мозаика: из нескольких ресурсов и разных моделей их освоения, реализации и потребления. Есть еще один важный элемент, который постепенно трансформирует все поле природопользования, являясь своеобразной новой *subsistence practice*, — это туризм<sup>3</sup>. Популярность Бережного как туристического места постепенно возрастала с конца 2000-х годов — с выводом поселка из пограничной зоны. Через 3–4 года после этого начался туристический бум, в обеих частях поселка появилось несколько гостиниц, а бережновцы начали выстраивать экономические отношения с приезжими. Помимо очевидных способов заработка вроде сдачи внаем квартир или комнат, местные жители включают “туристов” в рыбный промысел: вывозят в залив на морскую рыбалку, предлагают в аренду снасти, продают услуги проводников на рыбные места или в тундру. Кроме того, туристы стали альтернативным рынком сбыта местной рыбы, им продают не только свежую треску или даже семгу, но и консервированную печень трески, а также крабовое мясо. Например, местный житель (2000 г.р.) помогает своим друзьям управлять хостелом и попутно продает заготовленное отцом крабовое мясо в 300-граммовых банках (ПМА 2017). Хостел здесь выступает как точка относительно безопасной торговли, а краб просто один из сувениров — коммодифицированных знаков места. Показательно, что все эти практики заработка на туристах, которые, согласно мнению жителей поселка, меняют и внутреннее потребление рыбы (в сторону увеличения цен или вытеснения дарения/распределения рыбы между своими преимущественной продажей), тем не менее устойчивы и удобны для сообщества в силу воспринимаемой анонимности, “разовости” туристов (в особенности из Китая), которая оценивается как гарантия “неразглашения” опасных практик природопользования. И в этом плане мой промежуточный статус исследователя — и не своя, и не чужая — для сообщества намного опаснее.

Итак, туризм меняет поле природопользования, не только внося разнообразие в спектр возможностей заработка, но и дестабилизируя без того проблемную сферу освоения ресурсов: появление заинтересованных в туризме инвесторов поставило под угрозу существование опорной системы землепользования в поселке. Показательно, что в 2017 г. представление о новой “угрозе” уже было встроено в ряд других угроз, предполагающих схожие модели нарративизации в дискурсивном поле Бережного. Туристы оказались идеальным поводом для актуализации всех основных проблем муниципального образования и прежде всего слабости локальной администрации, неспособной защитить поселок и интересы его жителей: “Идет скупка земель. Да и сейчас вся земля под нашими сарайчиками уже, наверное, распределена. Так и делается: незащищенные территории, неумное начальство. И истребление местного населения” (ПМА 2017, ж., 1965 г.р.). В 2017 г. самым значимым провалом “неумного начальства” было частое закрытие дороги до Бережного из-за снежных заносов и неспособность местной администрации решить проблему без вмешательства МЧС. Мне же эта смычка *туристы как угроза — опасное природопользование — слабая локальная власть* позволяет ввести принципиально важную для исследования тему: анализ как государственного контроля в сфере природопользования Бережного, так и тех дискурсивных образов государства, которые актуальны для местного сообщества.

### Опасные ресурсы и ностальгия по тотальному контролю

До середины 1990-х годов новый поселок фактически управлялся судоремонтными мастерскими (далее — СРМ), там работало большинство жителей; СРМ отвечали за жилищный фонд Бережного и содержание всей инфраструктуры. В старом поселке аналогичные функции выполнял рыболовецкий колхоз. В 1990-е годы экономическая рентабельность СРМ начала снижаться, производство сокращаться, а имущество предприятия менять владельцев и форму управления; тогда же поселковая инфраструктура постепенно стала переводиться под контроль местной администрации, но фактически во второй половине 1990-х годов она никем не контролировалась и потому разрушалась. Колхозное хозяйство также сократилось, а рыбное предприятие несколько раз на рубеже веков меняло название, владельцев, работников, не выплачивало зарплату и банкротилось. На данный момент сохранившиеся здания СРМ и причалы принадлежат то ли внуку последнего директора мастерских, то ли портовому управлению регионального центра, “ферма” (бывший колхоз) осваивает скромные квоты на рыбу, содержит стадо коров и недавно выстроенную гостиницу, а очередное воплощение рыбзавода было закрыто в 2017 г. Изменение модели управления, вызванное в 1990-е годы приватизацией организаций и трагическим сокращением радиуса ответственности бывших “немножко градообразующих предприятий”, перевернуло жизнь поселка. В нарративах и газетных публикациях этот период связывается с радикальной трансформацией практик природопользования: благополучие многих семей, потерявших официальный заработок, стало зависеть от ресурсов — рыбы (те жители, кто имел возможность выходить в море на лодках, сдавали рыбу на предприятие) и крабов. Именно крабовый промысел, на мой взгляд, во многом сформировал устойчивое восприятие неформального природопользования как *опасного*.

Начало систематического заработка “крабами”, как правило, относят к середине 1990-х годов, длился этот период от пяти до десяти лет и охватывал весь поселок. Выгоднее всего было самостоятельно ловить, разделять и сдавать крабов, поэтому большинство частных лодок оснащались самодельными краболовками, но можно было брать живых крабов у рыбаков и заниматься дома исключительно разделкой (что требовало знания правил извлечения мяса и его фасовки). В Бережном



располагались две или три “подпольные фирмы” по приему крабов, а сам крабовый бизнес оценивался (и до сих пор оценивается) как одновременно прибыльный и опасный:

В то время, когда люди и крабов ловили, и рыбу сдавали, вы знаете, у людей не было задолженностей по квартплатам. <...> Сначала для себя [ловили], потом стали на продажу. А потом в поселке пришел бизнес. Они стали искать, кто ловит, кто может переработать; стали искать людей, стали засылать сюда деньги, организовывать базы по переработке. <...> А [в 2000-е] попробуй возьми. Тут же стоит пограничник, и тут же тебе сейчас штраф влепят. Всякое было. И у меня муж попадался. Всяко было: и штрафы платили, и в ФСБ его таскали, деда, да. ФСБ, ФПС, ПСБ<sup>4</sup> вот этими все занимались (ПМА 2017, ж., 1962 г.р.).

С риторической точки зрения рассказы о добыче краба изобилуют оправдательными стратегиями и строятся как “ужасные” истории с целым рядом подробностей: от акцентирования того, что это был единственный способ заработать деньги, до рассказов о расправах “бандитов” над жителями, не успевшими заготовить обещанный объем мяса. Риторическое нагнетание ужаса в воспоминаниях “о крабах” производится также через соположение их с рассказами о советском прошлом, выдержанными в ностальгической модальности.

Нарративное изобретение образа золотого века поселка (1970–1980-е годы) осуществляется через перечисление абсолютно положительных параметров социальной ситуации в прошлом: продовольственного изобилия (“московского” снабжения), заботы о поселке градообразующего предприятия и безусловной лояльности к нему жителей, прозрачности форм контроля инфраструктуры и населения, ощущения права на территорию и ее ресурсы (ПМА 2012, 2013). Этот утопический образ сталкивается с историями-негативами об “упадке”, до сих не преодоленной катастрофе 1990-х годов, обусловившей дефицит продовольствия, распад предприятий, локализованные или ситуативные формы контроля (чья легитимность основывалась исключительно на насилии), а также ощущение жителями бесправности и постоянной опасности: “Сейчас, сами видите, в упадке весь поселок. Вообще нету предприятий. Колхоз раньше содержал все. Милиционеры — у нас колхоз-милионер был, а сейчас все в упадке. Раньше жили, работа была, а жилья не хватало. А сейчас работы нет, и дома все пустые” (ПМА 2017, ж., 1953 г.р.); “Я думаю, что вот мы раньше жили, до 90-го года, мы уж думали цивилизация, сейчас упало до 1917 года все. Даже так. Здесь все было. Все было. Даже больница, позвонишь — врач прибегает, позвонишь — милиционер прибегает. А сейчас ничего” (ПМА 2012, м., 1948 г.р.). Это столкновение задает нарративную точку отсчета новой эпохи — эпохи *отсутствия* (“а сейчас ничего”), начавшейся *после* идеализируемого государства тотальной опеки, которое теперь являет себя в ностальгических рассказах. Для меня принципиально важно, что речь идет не только о нарративном слове, актуальном в настоящем, но и об управленческом слове, который произошел в 1990-е годы и продолжает определять жизнь Бережного.

Изменения поля природопользования в Бережном сопровождалось трансформацией аппарата контроля. Наиболее заметно это происходило в сфере крабового бизнеса, где формально криминальные группы, обладавшие локализованной формой суверенитета (Хамфри 2010; Humphrey 1991), постепенно стали конкурировать с представителями силовых структур нового государства (ср.: “Штрафы платили, и в ФСБ его таскали. ФСБ, ФПС, ПСБ вот этими все занимались”). На данном этапе нестабильное властное поле в поселке очень сложно описывать этнографически из-за нескоординированности и невидимости отдельных институтов контроля, а также из-за их закрытости; впрочем, такое описание выходит за рамки данной статьи. Далее я сосредоточусь лишь на взаимоотношениях сообщества с “опасными” приезжими

и институтами, контролирующими природопользование, в отдельных случаях обращаясь к показательным конфликтам с местной администрацией.

### **“Незащищенные территории, неумное начальство”: опасные приезжие и слабое государство**

Бережной в последние годы посещает большое количество людей извне, привлеченных рыбалкой, проводимым в поселке музыкальным фестивалем или открытым доступом к морю. Параллельно с “освоением” туристов как новой экономической возможности сообщество выстраивает с ними дискурсивные отношения отчуждения, основанные на опасениях и раздражении: в ситуации интервью приезжие последовательно оцениваются как угроза, в т.ч. природопользованию. Опасность тех, кто занимается в окрестностях поселка рыбалкой, — не столько в их влиянии на “экологическую ситуацию”, сколько в невладении нормами, которые разделяются, по представлению говорящих, местным сообществом. Например, туристы используют недопустимые средства рыбного лова, загрязняют тундру и водоемы мусором, устраивают пожары на нерестовых реках — в итоге страдает промысел местных:

Приезжие... А те вообще наглые. Наши боятся, они все-таки как-то остерегаются, а эти приходят, сети, вот, полностью. Вот это в том году было, да? Перетянули полностью реку у нашего там дома [на Яровке]. <...> Еще и спрашивают: “Вы не скажете, где тут можно сетку поставить?” Вообще, ну! (ПМА 2017, ж., 1960 г.р.).

Зимой сидишь на лунке, муж говорит: “Что это ты такое хорошее тащишь с лунки?” Вытаскиваешь сеть с рыбой с тухлой, вот тебе пожалуйста. А если тухлая рыба — значит все, считай, что в озере там ну процентов 10–15 это погибло рыбы. <...> Приезжие [и краба] ловят. Да, потому что они там взятки дают, туда-сюда. А мы же местные, нам не надо взятку давать. Я вот не привыкла к такому (ПМА 2017, ж., 1953 г.р.).

Приезжие оказываются в более выгодном положении, т.к. не попадают в поле действия контролирующих природопользование силовых структур: благодаря взяткам они минуя наказания, т.е. нарушают и модели поведения, принятые в сообществе, и легальные ограничения. Показательно, что дискурсивный консенсус при оценке этой ситуации заключается в констатации “бесправности” местных: жители Бережного не имеют возможности осуществлять контроль природопользования, государственные организации свои контролирующие функции не выполняют, деятельность приезжих не регулируется существующим в сообществе *moral law* — и вся совокупность факторов работает на восприятие ситуации как стабильно опасной, а самих приезжих делает еще одним инструментом развития у сообщества самодисциплины. Ведь то, что простили *тем*, — не простят *нам*. Представление о коррупции как универсальном знаке неработающего аппарата управления (Gupta 1995; здесь — аппарата контроля регионального уровня) в дискурсе Бережного дополняется утверждениями принципиальной слабости, не-агентности местной администрации.

За время моей работы в Бережном недовольство администрацией как институцией или отдельными главами МО было постоянной темой для обсуждения и поводом для lamentаций. В локальном дискурсе в период 2012–2018 гг. циркулировали нарративы о нескольких показательных ситуациях: значимых инфраструктурных коллапсах, к которым жители апеллировали, желая продемонстрировать неспособность администрации к управлению поселком. В числе наиболее актуальных были пожар в котельной в 2009 г., в результате которого большинство домов в новом поселке остались без теплоснабжения, и закрытие дороги от регионального центра до Бережного, из-за чего поселок провел в изоляции значительную часть весны 2017 г. В первом случае восстановление котельной потребовало долгих переговоров региона с владельцем — т.к. объект, несмотря на стратегическую роль в жизнеобеспечении

поселка, после приватизации СРМ отошел частному лицу, — а также прямых инъекций региональных денег; во втором же — необходимость превентивной и ситуативной расчистки дороги от снежных заносов также обсуждалась и решалась исключительно на уровне регионального правительства и МЧС, что всячески подчеркивалось жителями (ПМА 2017). В рассказах об этих ситуациях нынешняя администрация Бережного никогда не выступает ни как организация, несущая ответственность за поселковую инфраструктуру, ни как агент значимых действий: “Я сюда приехала ведь раньше, когда градообразующим предприятием были СРМ. Такого выключения света, скажем так, до приватизации, этого ничего не было. Не были тепловые сети в частных руках. <...> Вот сейчас выключи свет — не будет паники. У всех есть маленькие газовые плиточки, у кого электроплиты, и есть баллончики. Всегда есть запас воды, у всех” (ПМА 2017, ж., 1962 г.р.).

В процитированном отрывке представлен уже знакомый нарративный прием соположения прошлой ситуации, когда за инфраструктурой централизованно следило государство в лице градообразующего предприятия, с текущей ситуацией, когда инфраструктура оказывается в частных руках — неподотчетных ни населению, ни локальной администрации, — и потому она систематически не работает, а люди систематически самостоятельно вырабатывают стратегии преодоления неработающей инфраструктуры (ср.: “сейчас выключи свет — не будет паники”). В дискурсе сообщества государство, представленное на локальном уровне, либо значимо отсутствует, либо объективируется как принципиально неработающее, неагентное, неспособное принимать решения и осуществлять действия, и именно поэтому его легитимность постоянно ослабляется посредством риторики (напр., через обвинения глав в коррупции и воровстве; ПМА 2012, 2017) и практик, таких как прямое обращение к более высоким уровням управления — региональному и федеральному (в 2017 г. в местных магазинах был организован сбор подписей под обращением к президенту РФ по поводу закрытия дороги, глава МО пыталась помешать инициативе; ПМА 2017). Призывание государства более “высокого” уровня, обладающего не только формальной легитимностью, но и способностью к изменению ситуации, а также устойчивая дискурсивная ориентация на образ эффективного централизованного государства прошлого позволяют жителям критиковать актуальные формы управления. Как и в ситуации с инфраструктурой, в контексте природопользования администрация поселка представляется неспособной защитить интересы местных (ср.: “скупленные” инвесторами земли), в т.ч. перед угрозой проектной деятельности приезжих (“туризма”).

**“От каждого начальства нужна своя прививка.**

**Они же как вирусы — все разные”:**

**многоликий контроль и риторика бесправности**

Неспособность государства защитить принципиальный для бюджета и идентичности местного сообщества промысел усугубляется еще и тем, что локальный контроль над сферой природопользования — в особенности рыбодобычи — осуществляют несколько агентов. Прежде всего, это “пограничники”: в их обязанности входит учет выходов в море, контроль за морской рыбалкой и за рыбалкой на р. Яровке — реке, хоть и не входящей в морскую акваторию (ПС ФСБ осуществляет наблюдение за морской акваторией согласно Указу Президента РФ № 960 от 11.08.2003) (Указ 2003), но протекающей по землям военного ведомства. Кроме того, пограничники следят и за поселком, пусть статус погранзоны с него снят (их можно “вызвать” как в Бережной, так и в Яровку): в отдельных случаях они проверяют приезжих иностранцев или по просьбе жителей подозрительных туристов — и в этом они дублируют функции участкового. В 2012 г. пограничный пост находился на территории бывших СРМ, откуда отправляются в залив рыбаки, и — помимо

учета направления и длительности перемещений — военные отслеживали количество и вид добытой рыбы (супруга одного из служащих так и сформулировала роль базы в Бережном — “следить за браконьерами”; ПМА 2012, ж., 1984 г.р.). Контроль рыбодобычи осуществляют также представители рыбнадзора (инспекторы регионального отделения Росрыболовства) (ФЗ № 166), периодически приезжающие на побережье. И хотя к 2017 г. сфера ответственности пограничников сузилась, они по-прежнему сотрудничали с рыбнадзором, отслеживая рыбодобычу и проводя совместные рейды (ПМА 2018, м., инспектор Росрыболовства).

Показательно, что представители контролирующих структур локальному сообществу не принадлежат: на погранзастве служат в основном часто ротируемые “контрактники”, инспекторы рыбнадзора приезжают из регионального центра, и даже участковый в Бережном постоянно не живет — его ведомственная квартира находится в соседнем поселке. Такая конфигурация власти принципиально отличается от ситуации советского времени, когда контролеры зачастую были из числа “местных”, солдат-срочников или военных, служащих здесь в течение длительного времени и соответственно так или иначе знакомых бережновцам. На данном же этапе местным жителям не всегда понятно, есть ли легитимные — институциональные — основания для досмотра снастей, улова или осуществления насилия (наказания) у человека, с ними взаимодействующего (ср.: “Не знаешь, откуда... сейчас и вертолеты, и все эти в камуфляжных костюмах, они везде, по всем кустам. Подойдет к тебе, откуда знаешь, кто он”; ПМА 2017, ж., 1954 г.р.). Более того, как уже было сказано, пограничники репрезентируются как агрессивные “силовики” извне, устанавливающие договорные отношения с “настоящими” браконьерами, т.е. приезжими, и в то же время разрушающие отлаженные схемы местных жителей:

У нас был Портырыбнадзор свой. Он никогда не ходил, не смотрел — кто сетки поставит, ловит, местное население. <...> Но когда передали военным, военным, это же, это неопишное. Я не говорю, что каждый божий день, но когда люди выпьют, у них появляется энергия — надо работать. Они садятся на машину и начинают, пах-пах! — хватают людей, они, собственно, не охраняют, а губят всю природу. Люди все это бросают здесь ловить и уходят куда — на нерестилище. И начинают в реках, потому что им не дают рыбу ловить (ПМА 2012, м., 1948 г.р.).

С точки зрения говорящего, необоснованность, хаотичность действий пограничников не только выливается в бессмысленное насилие, нарушающее права местных, но и является легитимным оправданием экологических нарушений — интенсификации рыбалки в непросматриваемых зонах, в т.ч. на нерестилищах.

Безусловно, дискурсивное утверждение бесправности местных контрастирует с целым спектром актуальных моделей взаимодействия с контролирующими организациями. Помимо очевидных практик избегания и утаивания рыбодобычи (напр., установки сетей или разделывания крабов в особых скрытых или труднодоступных местах) рыбаки налаживают регулярные обменные отношения с пограничниками, выменивая возможность безнаказанно добывать запрещенную рыбу на пару “хвостов”. Подобное взаимодействие не квалифицируется участниками как взятка, наоборот, рыбаки, поясняя свое поведение, могут настаивать на особой солидарности с представителями контроля, которые так же заинтересованы в получении рыбы, как и сообщество. Например, во время одного из выездов в залив заядлый рыбак пояснял мне, что и “ФСБ-шники сами сюда на рыбалку ездят, я даже не раз возил”, и “инспектор” сказал ему “мне пару хвостиков семги поймай”: рыба нужна всем, поэтому и ему позволено вылавливать для себя (ПМА 2012, м., 1962 г.р.). В случаях же открытого конфликта стратегии противостояния могут варьировать от упреждений в риторике (напр., попыток отстоять собственное право выловить одну семгу посредством апелляции к статусу “местных”) до продуманных кампаний по выдворению того или

иною неудобного пограничника из заставы в Бережном (ср.: о конфликтном “погранце” — “Есть у меня один кореш из ФСБ... Может, ему на этого прапора наступать? Был у нас тут один. Его быстро сняли [когда жители стали жаловаться]”; ПМА 2012, м., 1962 г.р.). Несмотря на отлаженные механизмы реагирования на многоликий аппарат контроля поселка и практическое признание его легитимности, на дискурсивном уровне жители продолжают утверждать его непредсказуемость, неэффективность и опасность. Современные инспекторы и пограничники встраиваются в динамическую модель сравнения идеализированного государства прошлого, вмещавшего в себя весь поселок, и современных внешних, непрозрачных, агрессивных форм управления, как это емко сформулировал рыбак, противопоставлявший “свой Портрыбнадзор” и “военных”: “У нас пограничники считались братья все. А сейчас контрактники — это бандиты” (ПМА 2012, м., 1948 г.р.).

\* \* \*

Длительное этнографическое исследование показывает, что отношения природопользователей с тем, что понимается или функционирует как государство, непродуктивно редуцировать до дихотомии коллаборации/противостояния или противопоставления государственного закона “закону” сообщества. Несмотря на то что утверждения бесправности в отношениях с властью выступают одной из основных репрезентационных стратегий местных жителей, Бережной последовательно демонстрирует практическую небесправность во взаимодействии с администрацией МО, контролирующими рыбодобычу организациями или региональной властью. Важнейшим механизмом осмысления и критики современных форм государственности выступает ностальгия главным образом по “градообразующим предприятиям” позднесоветского периода, осуществлявшим совокупный менеджмент поселка, а не только насилие над прибыльной ресурсной сферой. На данном этапе ни СРМ, ни колхоз не являются реальными игроками на властном поле Бережного, но тем не менее играют принципиальную роль в выборе местными жителями той модели управления, которая оценивается как эффективная и легитимная. В социальном ландшафте поселка предприятие выступало как основной агент воспроизводства локальных властных отношений, а также определяло микроуровень личных сетей жителей (семейных, дружеских, неформально экономических). Его легитимность основывалась на установлении сильной связи с населением и понятном последнему контракте: принадлежность к Бережному означала военное снабжение, закрытый поселок, северные привилегии. Кроме того, ассоциация с предприятием утверждала причастность к контролю над территорией: находящиеся внутри населенного пункта институты сами управляли ресурсами, поэтому население тоже “рыбу видело”. Именно такая ситуация оценивается как опыт присутствия нормального государства и противопоставляется сегодняшнему ненормальному отчуждению ресурсов (“рыбинспекции делать [нечего], даже рыбины кусок не дадут”; ПМА 2012).

Прозрачная и понятная ситуация в прошлом противопоставляется непредсказуемости и непросматриваемости режимов управления в настоящем. Парадоксальным образом современный государственный порядок предполагает одновременное присутствие в поселке властных институтов, способных на значимое действие, и многоликость, избыточность контролирующих освоение ресурсов инстанций, чья легитимность зачастую вызывает сомнения. Ситуация гиперуправления (*hypergovernance*) характеризуется тем, что и современная администрация (инфраструктурная наследница СРМ), и рыбные “контролеры”, и недавно пришедшие в поселок бизнесмены стремятся не выстраивать устойчивые долгосрочные отношения с сообществом, но сознательно отчуждаться от него и максимизировать собственную прибыль. Именно



поэтому — несмотря на то что в администрации и на режимной ГЭС работают жители поселка, а с пограничниками или военными из соседнего закрытого города у Бережного существуют многолетние партнерские отношения — местное население ощущает и декларирует свою исключенность из тела государства. Через навязчивое обращение к прошлому сообщество формулирует идеальный государственный порядок — централизованное и подотчетное населению управление, среди прочего обеспечивающее регулярный доступ к ресурсам и признание прав местных — и утверждает собственное желание быть в этот порядок вписанным. Пока же идеализированные образы государственности контрастируют с войной Бережного “против всех”: не только против ФСБ и локальной администрации, но и против норвежских экологов, московских туристов, финских фотографов и петербургских этнографов, которые рядом перформативных актов утверждают свою власть над пространством поселка, формируют собственный экспертный нарратив о нем и, конечно, особенно сильно интересуются неформальным природопользованием.

### *Благодарности*

Я выражаю особую благодарность моей коллеге Н.А. Косяк за совместную полевую работу в 2012–2017 гг. и за ее бесценные комментарии к данной статье.

### *Примечания*

<sup>1</sup> В целях анонимности названия всех упоминаемых населенных пунктов и имена жителей изменены; название административно-территориальной единицы не указывается.

<sup>2</sup> Добыча рыбы и морепродуктов регулируется федеральным (ФЗ № 166) и региональными законами (Правила 2014). В контексте поселков речь идет исключительно о “спортивном и любительском” рыболовстве, осуществляемом без приобретения лицензий и получения квот. Число жителей Бережного, относящихся к “коренным народам Севера”, крайне мало, при этом в промысловую общину они не организованы, поэтому регулирование их прав на добычу рыбы я отдельно не рассматриваю.

<sup>3</sup> Мне представляется продуктивным думать о туристах именно как о ресурсе для тех местных жителей, которые осваивают его окказионально и без стремления к потоковости, увеличению прибыли.

<sup>4</sup> Очевидно, имеется в виду ПС ФСБ — Пограничная служба Федеральной службы безопасности, чья база находится по соседству с поселком.

### *Источники и материалы*

ПМА — Полевые материалы автора. Полевой дневник и транскрипты интервью экспедиций 2012, 2013, 2017, 2018 гг.

Пленум 2010 — Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 27 “О практике рассмотрения дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением правил и требований, регламентирующих рыболовство” от 23.11.2010.

Правила 2014 — Приказ Министерства сельского хозяйства РФ № 414 “Об утверждении правил рыболовства для Северного рыбохозяйственного бассейна” от 30.10.2014.

Указ 2003 — Указ Президента Российской Федерации № 960 “Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации” от 11.08.2003. Р. IV “Организация деятельности ФСБ России”, п. 11.9, 11.10, 11.12.

ФЗ № 166 — Федеральный закон № 166 “О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов” от 20.12.2004.

### *Научная литература*

Скорин-Чайков Н. Гоббс в Сибири: социальная жизнь государства (из книги “Социальная жизнь государства в северной Сибири”) // Социология власти. 2012. № 4–5 (1). С. 155–187.

- Фуко М. Искусство государственного управления // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. II. М.: Праксис, 2005. С. 183–211.
- Хамфри К. Суверенитет и повседневность: “система” маршрутных такси в столице Бурятии // Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России. Антропологические очерки. М.: Наталис, 2010. С. 254–279.
- Angé O., Berliner D. Anthropology of Nostalgia — Anthropology as Nostalgia: Introduction // Anthropology and Nostalgia / Eds. O. Angé, D. Berliner. N.Y.: Berghahn Books, 2014. P. 1–15.
- Dunn E. Postsocialist Spores: Disease, Bodies, and the State in the Republic of Georgia // American Ethnologist. 2008. Vol. 35 (2). P. 243–258.
- Gigova I. The Good Life and Post-Communist Nostalgia // East European Politics. 2013. Vol. 29. No. 4. P. 536–542.
- Greenberg J. On the Road to Normal: Negotiating Agency and State Sovereignty in Postsocialist Serbia // American Anthropologist. 2011. Vol. 113. No. 1. P. 88–100.
- Gupta A. Blurred Boundaries: The Discourse of Corruption, the Culture of Politics, and the Imagined State // American Ethnologist. 1995. Vol. 22. No. 2. P. 375–402.
- Jansen S. Hope For/Against the State: Gridding in a Besieged Sarajevo Suburb // Ethnos. 2014. Vol. 79 (2). P. 238–260.
- Hampshire K., Bell S., Wallace G., Stepukonis F. “Real” Poachers and Predators: Shades of Meaning in Local Understandings of Threats to Fisheries // Society & Natural Resources. 2004. Vol. 17 (4). P. 305–318.
- Humphrey C. “Icebergs”, Barter, and the Mafia in Provincial Russia // Anthropology Today. 1991. Vol. 7. No. 2. P. 8–13.
- Kim J. Landscape, Memory, and the “Gaze of Others”: Becoming Nostalgic Subjects in a Post-*Ingenio* Cuban Village // Asian Journal of Latin American Studies. 2016. Vol. 29. No. 4. P. 1–24.
- Kivland C.L. Unmaking the State in “Occupied” Haiti // PoLAR: Political and Legal Anthropology Review. 2012. Vol. 35. No. 2. P. 248–270.
- Kojanic O. Nostalgia as a Practice of the Self in Post-Socialist Serbia // Canadian Slavonic Papers. 2015. Vol. 57. No. 3–4. P. 1–18.
- Nakhshina M. “Without Fish, There Would Be Nothing Here”: Attitudes to Salmon and Identification with Place in a Russian Coastal Village // Journal of Rural Studies. 2012. Vol. 28 (2). P. 130–138.
- Scott J.C. The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven: Yale University Press, 1977.
- Wilson E. Est’ zakon, est’ i svoi zakony: Legal and Moral Entitlements to the Fish Resources of Nyski Bay, North-Eastern Sakhalin // People and the Land: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia / Ed. E. Kasten. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2002. P. 149–168.

## Research Article

Gavrilova, K.A. The Danger of Natural Resource Use: Fishery, King Crab and Nostalgia for the State in the Barents Region [Opasnoe prirodopol’zovanie: rybnye resursy i nostal’giia po gosudarstvu v Barents-regione]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 4, pp. 13–28. <https://doi.org/10.31857/S086954150006189-7> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Kseniia A. Gavrilova | <https://orcid.org/0000-0002-2380-6774> | kgawrilova@eu.spb.ru | European University at St. Petersburg (6/1a Gagarinskaya Street, 191187, St. Petersburg, Russia)

## Keywords

informal economy, natural resources, fishery, anthropology of state, nostalgic narratives, tourism, discourse analysis, Barents region

## Abstract

The article analyses the practices of private informal extraction of natural resources in connection with the discourse of governance and power relations circulating inside the coastal village community of

the Barents region. The patchwork of local resource economy consists of fishery, king crab catching, reclaiming of the village lands (especially access to the river and seashore), and communicating with the tourists whose arrival is constantly changing the existing economic situation. The transformation of patterns of village management as well as dependence on natural resources in the early post-Soviet period shaped the perception of social life in the village as disordered and the area of natural resources exploitation as constantly dangerous. The main discursive effect of the contradiction between the perceived sense of “absence” of the state and situation of “hypergovernance” is the prevalence of nostalgic narratives that criticize the current governmental practices and idealize the total control of Soviet town-forming enterprises.

### Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:

Khamovniki Foundation for the Support of Social Research [project no. 2016/009; 2017–2018]

Russian Foundation for Basic Research, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [17–33–01057]

### References

- Angé, O., and D. Berliner. 2014. Anthropology of Nostalgia — Anthropology as Nostalgia: Introduction. In *Anthropology and Nostalgia*, edited by O. Angé and D. Berliner, 1–15. New York: Berghahn Books.
- Dunn, E. 2008. Postsocialist Spores: Disease, Bodies, and the State in the Republic of Georgia. *American Ethnologist* 35 (2): 243–258.
- Foucault, M. 2005. Iskustvo gosudarstvennogo upravleniia [Art of Government]. In *Intellektualy i vlast'. Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniia i interv'iu* [Intellectuals and Power: Selected Articles, Presentations and Interviews], by M. Foucault, 2: 183–211. Moscow: Praksis.
- Gigova, I. 2013. The Good Life and Post-Communist Nostalgia. *East European Politics* 29 (4): 536–542.
- Greenberg, J. 2011. On the Road to Normal: Negotiating Agency and State Sovereignty in Postsocialist Serbia. *American Anthropologist* 113 (1): 88–100.
- Gupta, A. 1995. Blurred Boundaries: The Discourse of Corruption, the Culture of Politics, and the Imagined State. *American Ethnologist* 22 (2): 375–402.
- Jansen, S. 2014. Hope For/Against the State: Gridding in a Besieged Sarajevo Suburb. *Ethnos* 79 (2): 238–260.
- Hampshire, K., S. Bell, G. Wallace, and F. Stepukonis. 2004. “Real” Poachers and Predators: Shades of Meaning in Local Understandings of Threats to Fisheries. *Society & Natural Resources* 17 (4): 305–318.
- Humphrey, C. 1991. “Icebergs”, Barter, and the Mafia in Provincial Russia. *Anthropology Today* 7 (2): 8–13.
- Humphrey, C. 2010. Suverenitet i povsednevnost': “sistema” marshrutnykh taksi v stolitse Buriatii [Sovereignty and Ways of Life: The Marshrut System in the Capital of Buryatia]. In *Postsoverskie transformatsii v Aziatskoi chasti Rossii. Antropologicheskie ocherki* [The Post-Soviet Transformations in Asian Region of Russia: Anthropological Essays], by C. Humphrey, 254–279. Moscow: Natalis.
- Kim, J. 2016. Landscape, Memory, and the “Gaze of Others”: Becoming Nostalgic Subjects in a Post-*Ingenio* Cuban Village. *Asian Journal of Latin American Studies* 29 (4): 1–24.
- Kivland, C.L. 2012. Unmaking the State in “Occupied” Haiti. *PoLAR: Political and Legal Anthropology Review* 35 (2): 248–270.
- Kojanic, O. 2015. Nostalgia as a Practice of the Self in Post-Socialist Serbia. *Canadian Slavonic Papers* 57 (3–4): 1–18.
- Nakhshina, M. 2012. “Without Fish, There Would Be Nothing Here”: Attitudes to Salmon and Identification with Place in a Russian Coastal Village. *Journal of Rural Studies* 28 (2): 130–138.
- Scott, J.C. 1977. *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press.
- Ssorin-Chaikov, N. 2012. Gobbs v Sibiri: sotsial'naia zhizn' gosudarstva (iz knigi “Sotsial'naia zhizn' gosudarstva v severnoi Sibiri”) [Hobbs in Siberia: The Social Life of the State (In Volume “The Social Life of the State in Subarctic Siberia”)]. *Sotsiologiia vlasti* 4–5 (1): 155–187.
- Wilson, E. 2002. Est' zakon, est' i svoi zakony: Legal and Moral Entitlements to the Fish Resources of Nyski Bay, North-Eastern Sakhalin. In *People and the Land: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*, edited by E. Kasten, 149–168. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.